

«ЛОЖЬ» ОЧЕВИДЦА

Рец. на кн.: *Алешин Д.* Азиатская одиссея. М.: Издательство книжного магазина «Циолковский», 2017. 376 с.

THE “LIE” OF THE EYE-WITNESS

Review on: *Алешин Д.* Азиатская одиссея. М.: Издательство книжного магазина «Циолковский», 2017. 376 с. [*Aleshin D.* Aziatskaia odisseia. Moscow, 2017. 376 p.].

Кто объективнее освящает исторические события: профессиональный историк или очевидец? Этот вопрос возникает при чтении первых страниц книги Дмитрия Алешина «Азиатская одиссея». Ее автор — молодой белый офицер, красочным языком описывающий события небольшого периода своей жизни. У книги Алешина любопытная история: она была опубликована в 1940 г. в Америке на английском языке в серии воспоминаний участников русской Гражданской войны. Интерес к книге был столь высок, что сразу после ее американского издания с автором был заключен договор на выход европейского варианта в Британском издательстве, но война разрушила эти планы. Война стала также главной причиной ее забвения. В начале 1990-х российский историк-литератор Леонид Юзефович ввел книгу в научный оборот исследователей Гражданской войны в своей работе «Самодержец пустыни», посвященной легендарному барону Унгерну фон Штернбергу. И вот, наконец, в 2017 г. перевод этой книги издадут в России в рамках проекта книжного магазина «Циолковский», частично основанного на системе краудфандинга — добровольного народного финансирования¹. Итак, о чем же «Азиатская одиссея»?

По содержанию это воспоминания автора о событиях Гражданской войны 1918–1921 гг., событиях, участником которых он был. На первых страницах книги перед нами предстает одинокий человек, убегающий на лошади через замерзший Байкал от наступающих красных, человек, о прошлом которого почти ничего неизвестно. Всё последующее повествование лишь отчасти раскрывает историю автора: в Первую мировую служил офицером, родители, к которым он и пытается вернуться, живут в Харбине, брат такой же офицер. Это всё, что мы узнаем. Конечно, в книге описываются необыкновенные приключения, которые кое-что добавляют к образу автора. Чего только стоит список личин-профессий,

¹ «Азиатская одиссея» стала шестой работой, изданной по такой системе. До этого «Циолковский» перевел работу Стивена Барбера об Антонене Арто и переиздал «Сентиментальное бешенство рок-н-ролла» Е. Головина, «Футуризм» Г. Тастевена, «Футурист Мафарка» Маринетти и «Теорию четырех движений и основных судеб» Ш. Фурье.

которые герой сменил за время одиссеи. Вот как сам Алешин пишет об этом: «Какая карьера! Студент дипломатической школы, офицер императорской армии, красный командир... и вот теперь обычный разбойник» (с. 108). К этому перечню нужно добавить скитающегося пленного немецкого солдата, мирового судью в бурятском поселке, разнорабочего в доме монгольского ламы, учителя в Бангай-хуре, пастуха и, наконец, адъютанта в армии Унгерна фон Штерберга — тогда картина будет полной. И всё же все эти образы не более чем маски, надеваемые героем для спасения своей жизни на дорогах войны. «Одиссея» Алешина — это повествование не о судьбе отдельного человека, а прежде всего о гражданской войне, ее ужасах, зверствах, неразберихе, абсурдности, но и о человечности, которая порой встречается герою тогда, когда на нее нет и надежды.

В книге очень много жестоких сцен, причем бесчеловечно ведут себя как красные, так и белые. Особо отличаются события отступления армии Колчака², рейды отряда Михаила, в котором состоял герой, захват Урги и другие «подвиги» армии Унгерна. Стоит отметить, что барон Унгерн и его подчиненные, известные своей беспощадностью, не выглядят чем-то экстраординарным на фоне царившей повсеместно бесчеловечной жестокости. Например, после сцены мучительной казни трех бандитов, которую устраивают герой книги и его друзья (отряд Михаила), автор замечает: «Я смотрел на все эти зверства и даже участвовал в некоторых из них. Ибо человек, прошедший то, что прошел я с начала революции, теряет многие из своих цивилизованных черт...» (с. 210).

Содержательно путь автора-героя отражен в названиях глав: «Бегство в Маньчжурию» — о путешествии через Забайкалье в Харбин к родителям; «С Грейвсом и Колчаком с Сибири» — о службе в американском штабе, а затем возвращении в Россию; «Побег в Монголию» — об огромном проделанном героем пешком пути из Иркутска в Монголию, растянувшемся почти на год; «Страна монголов» — о жизни в Монголии; «На службе барона фон Унгерн-Штернберга» — говорит сама за себя; «Бегство через Гоби» — краткая история спасения героя и его друзей. Все эти события описаны на удивление легким языком, как хороший роман. Пожалуй, язык «одиссеи» даже слишком художественный, мешающий воспринимать ее как воспоминания о реальных событиях. Вот, например, как описывается утро в высокогорном лесу, встреченное автором во время его марш-броска по тайной контрабандистской тропе от Бурятии в Монголию, без еды и почти без обмундирования: «Высоко надо мной в небо упиралась большая пихта. Ее блестящие металлические иголки звенели крошечными колокольчиками. Огромная рождественская ель рядом, стоявшая тихо, без движения, вдруг под движением ветра начинала шептать “Ш-ш-ш...”, словно учитель, присматривающий за учениками. Ее стойкий аромат смешивался с запахом меда и смолы, исходившими от пихты. Чуть поодаль задумчивый клен мягко двигал своими искусно вырезанными листьями, как будто веслами каноэ» (с. 133). Таких пассажей в книге очень много, что, с одной стороны, создает иллюзию присутствия в мире описанного автором прошлого, а с другой — заставляет усомниться в достоверности и автобиографичности повествования, но об этом стоит сказать отдельно.

²Чего только стоят описания казней большевиков (с. 78–80) или история с «изготовлением» чаши из черепа красного командира (с. 73).

Описать все сюжеты книги не представляется возможным, но стоит остановиться на некоторых из них. Можно сказать, что вопрос религиозных убеждений красной нитью проходит через всё повествование. Он затрагивается автором уже на первых страницах, описывающих бегство в Читу. Обессиленный герой, прошедший несколько дней без еды, сталкивается со стариком-отшельником, живущим на маленьком хуторе, который и выхаживает его. Старик оказывается очень верующим человеком, что шокирует героя, поскольку, по его мнению, вера — достояние далекого прошлого, как он замечает, «его предки тоже были религиозны...» (с. 14), и он с восхищением думал о том, «что за чудесное прибежище дает религия тем, в ком еще осталась вера» (с. 14). Напомним, что пишет это белый офицер. Позже религия становится идентифицирующим маркером, по которому белые отличают себя от красных. Героя постоянно заставляют перекреститься в знак того, что он действительно белый. Религия для автора также является собранием суеверий, когда он описывает традиции монголов, ламаистские празднества и веру в амулеты и предсказания барона Унгерна. Антитезой религии-идентификатору и религии-суеверию предстает религия элиты, принципы которой автор вкладывает в уста двум мудрецам-монголам, встреченным им на разных этапах «одиссеи». Алешин называет эту религию «космическим сознанием». Кратко резюмировать ее суть можно следующими словами: «Мы все — неотделимые частицы окружающего нас мира, так же, как наш мир — неотделимая частица вселенной. Раз вселенная бессмертна, то и мы бессмертны тоже, и лишь трансформируемся в различные ее формы. Не важно, кому и как ты поклоняешься, ибо есть только одно Неизменное, Постоянное и Вечное, частью которого ты являешься» (с. 167–168). Но знают эту истину далеко не все, большинство людей невежественны, «открывать истину невежественным бесполезно и опасно, люди должны сами найти свой путь спасения через персонализированных богов...» (с. 347). Ясно, что это не слова монгольских мудрецов, а мысли самого автора, возможно отчасти почерпнутые из своего азиатского опыта, но выражающие путь личных исканий и предугадывающие общий настрой распространившейся спустя 15 лет после выхода книги моды на «космическую религиозность» Востока.

Безусловно, кульминацией книги должно считаться описание эпопеи барона Унгерна, очевидцем и участником которой был Алешин. При всей насыщенности событиями без Унгерна эта книга потеряла бы свою уникальность и, рискуем предположить, никогда бы не была издана в России. Именно как очевидец истории краткого периода монгольской теократии барона в Урге Алешин впервые появляется на страницах художественного исследования Юзефовича, именно истории барона отведен самый крупный (около 100 страниц) раздел книги. Но добравшегося до него читателя ждет определенное разочарование: большую часть истории Унгерна составляет краткий пересказ событий, изложенных так, что можно только предполагать — либо автор намеренно не описывает их подробно, потому что не хочет запятнать себя, либо сам он в этих событиях играл очень незначительную роль. Такой сжатый рассказ резко контрастирует с детальным описанием событий всех остальных разделов книги, как до, так и после истории с бароном. Можно сказать, что алешинское повествование длится до

взятия Урги, а потом в текст вклинивается краткая историческая справка о «подвигах» Унгерна, затем повествование возобновляется лишь с началом бегства героя и его друзей через Гоби. Но именно встречи с выдающимися людьми делают повествование любого рассказчика по-своему замечательным, поэтому в книге должен был быть Унгерн. Любопытно описание барона, сделанное Алешиным, приведем его здесь *in extenso*: «Полурыцарь-полуразбойник по происхождению и привычкам, барон жил яркой жизнью нескончаемых приключений... Родись он в Средние века, Унгерн, без сомнения, стал бы великим завоевателем. Но в веке двадцатом он явно находился не на своем месте. Мечта барона о создании Центрально-Азиатской империи с ордами всадников под его началом была не из нашей эпохи. От своих буддистских наставников он усвоил теорию реинкарнации и твердо верил, что, убивая немощных, совершает благо для них, ибо в следующей жизни они обретут больше сил. Это учение о “сверхчеловеке” сделало его беспощадным к себе и другим. Барон был провозглашен Цаган-Бурханом, или перерожденным Богом Войны, и его большое сознание уверовало в свою миссию спасения мира» (с. 264). Самое любопытное в этой характеристике то, что ее никак не мог дать двадцатилетний рядовой армии, стоящей на подступах к Урге. Такое мог написать лишь человек, который прочел «Звери, люди, боги» Оссендовского, романтизовавшего образ барона, и мемуары есаула Макеева. Иными словами, здесь, как и в случае с описанием религиозных взглядов, мы имеем дело с проекцией будущего в прошлое. Стоит заметить, что такое описание Унгерна как нельзя лучше встраивается в мнемоисторический образ барона, сконструированный в праворадикальном дискурсе послевоенного времени³. Леонид Юзефович в своем исследовании использовал работу Алешина как важное свидетельство пребывания Унгерна в Урге, встраивая его голос в хор из пяти голосов, описывающих правление барона⁴. Но верно ли это? Является ли «Азиатская одиссея» достоверным историческим источником?

Традиция изучения эго-документов, развитая во второй половине XX в., началась с идеи автобиографического пакта, предложенной Анри Леженом и в общем виде сводящейся к «положениям о том, что автор текста является одновременно его повествователем и главным героем, а излагаемые в тексте события являются достоверными»⁵. Почти сразу эта теория была раскритикована и дополнена Сержем Дубровским, предложившим термин «автофикшн». В отношении

³ На этот счет см., например, предисловие Ю. Эвола, написанное к итальянскому изданию работы Оссендовского в 1973 г. (*Ossendowski F. Bestie, Uomini, Dei. R., 2000. P. 13–16*). В каком-то смысле квинтэссенцией такого отношения является образ Унгерна из «Чапаева и Пустоты» Виктора Пелевина, где барон выведен как князь инфернального измерения, говорящий о себе так:

«— Своим друзьям я обычно показываюсь в виде петербургского интеллигента, которым я действительно когда-то был. Но не следует делать выводов о том, что я действительно так выгляжу.

— А что тогда видят остальные?

— Не буду утомлять вас деталями, — сказал барон. — Скажу только, что во всех шести руках у меня острые сабли» (*Пелевин В. Чапаев и пустота. М., 2001. С. 236*).

⁴ См.: *Юзефович Л. Самодержец пустыни. М., 1993. С. 77–120*.

⁵ *Левина-Паркер М. Введение в самосочинение: autofiction. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/103/le2.html> (дата обращения: 18.05.2017).*

его смысла до сих пор есть разногласия, но «исследователи жанра разделяются на тех, кто вслед за Сержем Дубровским подразумевает под самосочинением литературную переработку (романизирование) достоверного автобиографического материала, и на тех, кто вслед за Венсаном Колона видит в самосочинении всецело литературное переизобретение своей жизни и ее реалий»⁶. Представляется, что текст Алешина неплохо описывается теорией autofiction, предложенной Дубровским. Алешин не лжет, он просто выстраивает историю своей жизни из личных воспоминаний, исторических анекдотов, воспоминаний друзей, прочитанных книг, объединяя все это персонажем-протагонистом, наделенным некоторыми чертами автора и его именем. О такой составности персонажа пишет переводчик книги в послесловии, указывая на множество логических несостыковок в тексте (с. 369). И действительно, при внимательном чтении становится очевидно, что многое из описанного автор не видел и не мог видеть, многое забыл, восстановив лишь впоследствии. Не стоит забывать, что текст «одиссеи» был написан спустя 20 лет после ее событий. Характер autofiction хорошо проявляется не только в описании эпопеи Унгерна, но и в истории войны в армии Колчака, в описании перехода в Монголию и во многих других частях текста. Это совсем не значит, что «одиссея» — лишь вымышленная история, нет, это прекрасный образец того, как реальные события, преломляясь сквозь призму времени, трансформируются в сознании их очевидца.

Отдельно стоит сказать несколько слов об издании книги. Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что текст Алешина издан с любовью. Лучше всего это демонстрируют комментарии переводчика, прекрасно владеющего историческим материалом. Комментарии в книге являются не справочными, а смысловыми, именно переводчик постоянно корректирует текст Алешина. Удачным решением является и помещение сведений об авторе и истории издания книги в послесловие. Так, читатель сначала знакомится с текстом Алешина и лишь после этого может проверить свои впечатления историческими данными.

В заключение скажем несколько слов о значении «одиссеи» для исследователя религии. Во-первых, вся история барона Унгерна, которой посвящена самая объемная часть книги, была реализацией религио-политического проекта по созданию азиатской теократической империи⁷. Романтизированный образ Унгерна, оформленный трудами Оссендовского, Эвола и других, до сего дня продолжает оставаться своего рода иконой для праворадикальных эзотерически настроенных групп⁸. Во-вторых, книга Алешина является срезом религиозной жизни эпохи революции, своего рода иллюстрацией для изучения типов религиозного сознания. Во взглядах автора и его соратников, образованных представителей высшего общества, мы видим тень христианства, не рождающего более никаких чувств и ни к чему не призывающего, ставшего лишь достоянием прошлого. В описании западного буддиста Унгерна мы встречаем фанатичную веру,

⁶ Левина-Паркер. Указ. соч.

⁷ Подробнее об этом см.: Кузьмин С. Л. История барона Унгерна: Опыт реконструкции. М., 2011. С. 373–400.

⁸ Подробнее об этом см.: Носачев П. Г. Интегральный традиционализм: между политикой и эзотерикой // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2013. № 4. С. 203–222.

готовую жертвовать всем и всеми ради реализации призрачного идеала. В картинах религиозных ритуалов и церемоний монголов мы наблюдаем красочную зарисовку жизни ламаистского буддизма. В портретах встреченных Алешиным простых людей мы находим черты живой христианской веры. В-третьих, книга Алешина скорее своим общим настроем, чем конкретными описаниями, дает понять, какое место занимала религия в свершившейся трагедии эпохи.

Стоит отметить, что выход «Азиатской одиссеи» в год столетия трагических событий революционного лихолетья — еще один способ обратиться к истории тех лет и посмотреть на нее с новой, необычной позиции. Книгу можно смело рекомендовать историкам, религиоведам и всем интересующимся как эпопеей барона Унгерна, так и событиями Гражданской войны.

Носачев Павел Георгиевич
канд. филос. наук, НИУ ВШЭ
105066, Москва, Старая Басманная, 21/4
pavel_nosachev@bk.ru

Nosachev Pavel,
Candidate of Science in Philosophy,
Higher School of Economics,
21/4 Staraja Basmannaia, 105066 Moscow,
Russian Federation
pavel_nosachev@bk.ru